

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

ПАМЯТНИКИ КНИЖНОСТИ XVII века из ГАЛИЧСКОГО УЕЗДА

А.Г. Авдеев, к. и. н., учитель истории школы № 1249 г. Москвы

XVII век был «золотым веком» галичской книжности, что типично и для других регионов России: характерным явлением этого времени был расцвет уездных литератур со своими интересами, кругом авторов и читателей¹. Региональная книжность, как правило, отражала сюжеты, связанные с деятельностью местных подвижников, местными святынями и т.п. Несмотря на развитие книгопечатания, эти произведения переписывались в XVIII, XIX и даже в XX в. В наше время их отнесли бы к провинциальной литературе, но в XVII в. местные традиции книжности зачастую раньше, чем в центре, аккумулировали новые явления. Характерной чертой процесса «книжного строения» в Галиче в XVII в. было то, что монастыри сохранили ведущую роль в создании и распространении памятников местной книжности. В центральных же уездах России развитие литературы шло уже мимо монастырей².

У истоков «золотого века» стоял самый известный в истории галичанин – Григорий Отрепьев, сложивший в стенах Чудова монастыря Похвалу митрополитам Московскому Петру, Алексию и Ионе, каноны и жития святым³. Сообщение о его гибели завершает Галичский летописец начала XVII в.⁴ В это столетие в Галичском уезде были созданы три сказания о явлениях чудотворных икон Божией Матери, Жития преп. Паисия Галичского, Адриана и Ферапонта Монзенских⁵, первая редакция Жития преп. Варнавы Ветлужского⁶, Служба преп. Иакову Праведному (Галичскому)⁷ и не имеющие аналогов в древнерусской книжности письма юродивого – купеческого сына Стефана Трофимовича Нечаева⁸. Замыкает этот ряд Сказание о явлении Макарья.

евской иконы Божией Матери⁹, появившееся в первом десятилетии XVIII в. Их авторы – «разных чинов люди»: крепостной крестьянин, посадский человек, дворянин, иночи – занимали разные ступени общественной лестницы, обладали разной социальной психологией, но были объединены принадлежностью к интеллектуальной эlite Галичского уезда.

1. Сказание о явлении Словинской иконы Божией Матери

Сказание сохранилось в двух рукописях последней четверти XIX в., писанных одним почерком.

Первая, обозначаемая как список А, находится в кафедральном соборе во имя Введения во храм Пресвятая Богородицы г. Галича. Знакомством с нею я обязан любезности настоятеля церкви протоиерея Александра Шастина, по благословению которого это сказание публикуется.

Объем рукописи – 22 листа in quarto, при этом на л. 1–18 находится Служба явлению Словинской иконы, на л. 18об. – молитва чудотворному образу, Сказание же занимает л. 19–22 об. Текст писан одним почерком полууставом XIX в., бумага желто-серая, чернила коричневые. Время создания рукописи определяется по упоминанию имени императора Александра II (1855–1881) на л. 4.

По всей видимости, рукопись составляла часть богослужебного сборника – утраченным оказался л. 23, где находилось окончание Сказания и, очевидно, часть какой-то службы – на л. 22 об. сохранился зеркальный отпечаток слова [при]шествія, очевидно, находившегося на следующем листе. Не способствовали сохранности рукописи и богооборческие гонения в годы Советской власти. Так, на л. 4, дабы избежать возможных обвинений в монархизме, прежние владельцы синим химическим карандашом вымарали часть Службы, посвященной императору. Позднее крамольный, с точки зрения большевиков, текст был заклеен клетчатой бумагой, на которой появился текст, писанный по правилам современной орфографии, с молением о даровании православным христианам победы над врагами и о спасении мира. Это – одно из наиболее ранних поновлений рукописи: в отличие от более поздних «реставраций» этот текст писан фиолетовым чернильным карандашом.

Прежние владельцы берегли рукопись, о чём говорят следы многократных «реставраций». Обтрепавшиеся края л. 1, 2, 3, 22 подклеены добела вылинявшей клетчатой бумагой. Разорванный посередине л. 2 аккуратно склеен полосками из клетчатой же бумаги, угасший текст в нижней половине заклеен такой же бумагой, от частого соприкосновения с пальцами приобретшей оттенок, одинаковый с цветом листов рукописи. На ее обратной стороне читаются обрывки какой-то молитвы, сделанные карандашом: «...их вер...//нам и...//...юю наш...//...вной...//...х и...». На л. 2 об., 3 и 3 об. угасший текст возобновлен синими чернилами.

На время одной из «реставраций» указывает пожелтевшая полоса газетной бумаги, подклеенная к нижнему краю л. 3, на которой сохранилось название газеты: «Колхозн». Во второй половине 40-х – начале 60-х гг. XX в. в Костромской области издавалось три газеты с таким названием: «Колхозный труд» в Боговаровском районе (с 26 августа 1945 г. по 10 мая 1961 г.)¹⁰, «Колхозное знамя» в Судайском районе (с 13 марта 1945 г. по 25 апреля 1961 г.)¹¹ и «Колхозный путь» в Ореховском районе (с 28 июня 1956 г. по 31 июля 1959 г.)¹². По географической близости к Галичу, скорее всего, для реставрации была использована последняя газета и, таким образом, можно сказать, что в последний раз рукопись поновлялась во второй половине 50-х гг. XX в.

Текст Сказания сохранился с небольшими утратами. Однако необходимость его зачтения пастве, слабо разбирающейся в тонкостях древнерусского языка, привела к тому, что в текст, спустя некоторое время после переписки, были внесены изменения, необходимые для лучшего понимания Сказания простыми верующими. В частности, коричневыми чернилами, близкими по качеству тем, которыми был писан основной текст, но иным, более тонким стальным, пером оказались зачеркнуты все сложные грамматические конструкции с *dativus absolutus*, а в тексте исправлены отдельные буквы. В настоящее время рукопись используется в богослужебном обиходе.

Вторая рукопись, писанная тем же почерком, что и первая и обозначенная нами как список Б, до весны 1996 г. хранилась у Анны Федоровны Виноградовой, родившейся в 10-е гг. XX в. в деревне Борисово Екатерининского сельсовета Кадыйского

района Костромской области, и затем была передана в дар протоиерею Александру (Шастину). В юности владелица рукописи обучалась церковному пению у регентши Словинской церкви, от которой, очевидно, и унаследовала ее. Затем всю жизнь А.Ф. Виноградова служила псаломщицей в церкви свв. Бориса и Глеба одноименного села Завражного сельсовета Кадыйского района, используя рукопись в практике.

Это – сборник богослужебных текстов, составленный в правление императора Александра III, где Сказание занимает л. 13–15. В составе рукописи Б также находятся: дефектная (недостает первых трех листов) Служба образу Божией Матери Словинской (л. 1–12 об.); молитва этому же образу (л. 12 об.); псалмы (л. 15 об. – 17 об.); последование малое освящения воды (л. 17 об., 20); молитва к Пресвятой Богородице в скорбех (л. 18–19), писанное другим почерком в советское время ившее в середину рукописи; Молитва, егда кто имать внести в дом нов (л. 21–21 об.); акафист Пресвятой Богородице (л. 21 об.–30); акафист Святителю и Чудотворцу Николаю (л. 30 об.–35 об.); молитва Святителю и Чудотворцу Николаю (л. 35 об.–36 об.); тропари свв. мученикам Флору и Лавру, свв. равноапостольным царем Константину и Елене, Пророку, Предтече и Крестителю Господню Иоанну (л. 37–37 об.), писанные другим почерком склонностью конца XIX в.; прокимены дневные (л. 38), писанные другим почерком склонностью конца XIX в.; канон Чеснаго (так в рукописи!) Креста Господня, писанный карандашом третьим почерком в советское время (л. 39); тропарь Иерусалимской Божией Матери, писанный карандашом четвертым почерком в советское время (л. 39 об.).

Можно полагать, что эти списки – не единственные. Так, в книге «Упраздненные монастыри Костромской губернии» история основания Словинского монастыря излагается в соответствии со Сказанием¹³.

Дата написания Сказания определяется по титулу царя Михаила Федоровича – который, по мнению составителя произведения, звучал как «всия Великия и Малая России Самодержец». Сам основатель династии Романовых этого титула не носил. Им пользовался сын и преемник Михаила Федоровича Алексей Михайлович в период между 8 января 1654 г. (после провозглаше-

ния на Переяславской Раде воссоединения Малороссии-Украины с Россией) и 9 сентября 1655 г., когда был издан указ о расширении царской Титулатуры, включившей и белорусские приобретения¹⁴. Таким образом, Сказание могло быть написано в промежутке между этими датами.

Но, как кажется, ошибка была сделана намеренно. Все дело в том, что обращение книжника к чуду почти 25-летней давности произошло именно тогда, когда Русское государство боролось за Смоленск – местопребывание основной святыни, список с которой явился в Словинке. 23 сентября 1654 г. польский гарнизон Смоленска сдался, и город был возвращен России. Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя России Самодержец, лично принимал капитуляцию неприятеля. Так что, обращаясь к Сказанию о явлении чудотворного образа Божией Матери Смоленской в Словинке, на границе Галичского и Костромского уездов, книжник намеренно подчеркивал, не говоря об этом прямо, связь возвращенной святыни со всей Россией. И эта связь без лишних слов была понята его современникам – не случайно день празднования Словинской иконы был установлен не 15 мая, когда она явилась крестьянину Титу Гавrilovу, а приходится на 23 сентября – день капитуляции польского гарнизона Смоленска.

Сама чудотворная Смоленская икона Божией Матери – один из наиболее загадочных богородичных образов Руси¹⁵. Предание считает ее творением апостола Луки. Перенесенная из Иерусалима, она почиталась в Византии как защитница Константинополя от врагов и Путеводительница (Одигитрия) в военных походах. На Русь она попала в 1046 г. в качестве приданого за византийской царевной Анной, дочерью Константина Мономаха, ставшей женой князя Черниговского Всеволода Ярославича. Несмотря на ранние сведения о чудотворениях от иконы, возводимые к середине XI в., ее местное почитание на Руси складывается на два столетия позже, а официальное прославление – не раньше первой четверти XVI в. При этом с момента присоединения Смоленска к Москве Василием III в 1514 г. образ начинает рассматриваться как символ единства Русских земель. В Галичском крае начало почитания этой святыни связано с именем преп. Макария Желтоводского и Унженского, которому она явилась в 1442 г.

Восприятие Смоленского образа на Руси отличалось от византийского: с воинской тематикой здесь связано лишь одно чудотворение – спасение Смоленска от Батыевой орды в 1239 г., отраженное в Сказании о св. Меркурии, тогда как основная масса чудес вплоть до начала XVII в. совершилась на «местном уровне»¹⁶. Максимум же чудес, падающий на XVII в., связан с борьбой за возвращение Смоленска. Одним словом, главный смысл чудотворений от Смоленского образа, укоренившийся на Руси, – это чудо повседневности. Поэтому неудивительно, что и в Сказании чудо от списка с этой иконой происходит на местном уровне, не связан с событиями общерусского значения, и не несет никаких обязательных к исполнению наставлений Божьей Матери. Икона, явленная в Словинке, выполняет прямые функции Одигитрии, помогая Титу Гаврилову и о. Евдокиму отыскать дорогу к заброшенному храму. Лишь «ошибкой» в царской титулатуре книжник пытается увязать его с одним из важнейших событий русской истории середины XVII в. – возвращением Смоленска.

Автор Сказания неизвестен. Скорее всего, это был один из монахов Словинской обители, достаточно грамотный и начитанный, может быть, даже искушенный в иконописи. Укажем, например, на явную параллель между публикуемым Сказанием и Повестью о Савве Грудцыне:

Сказание	Повесть о Савве Грудцыне ¹⁷
И видех в дом мой пришедшу жену святолепну во одеянии червлене, имеющу на руку своею младенца...	Видех ко одру моему пришедшу жену святолепну и ризу багряну носящу...

Прямое заимствование здесь исключается, ибо Повесть о Савве Грудцыне создана позже Сказания о явлении Словинской иконы, в 60-е гг. XVII в. Сходство объясняется тем, что одна и та же символика цвета и схожесть ситуации играют ключевую роль в обоих памятниках. Червленый, багряный цвет – символ Богородицы как Царицы Небесной, изливающей Свою неизреченную милость. Любопытно, что на иконе этот цвет достигался слиянием красного (огонь Святого Духа, кровь, природа) и си-

него (небо, а для Богородицы – и символ Девства)¹⁸. Причем, как отметил Е.Н. Трубецкой, преобладание пурпурных красок в Повести о Савве Грудыне предвещает пробуждение героя от греховного сна¹⁹.

На возможного автора Сказания, видимо, указывает запись на л. 11: «Канон Пресвятыя Богородицы, творение монаха Игнатья». Может быть, монах Игнатий, помимо Канона, описал и историю явления чудотворного образа в Словинке? Во всяком случае, судя по первому произведению, он обладал неплохим поэтическим даром. Его Канон – это гимн, пронизанный радостью: глагол «радоваться» и однокоренные с ним слова (радость, радостно) употреблены здесь 84 раза! Чувства, переполняющие автора, привели даже к «измене» жанру – из статистики словоупотребления видно, что на самом деле по содержанию Канон гораздо ближе к акафисту.

В устной традиции удержался иной рассказ об обретении чудотворного образа, совпадающий с заключительной частью Сказания: при редкости рукописей Сказания Служба Словинскому образу не имела указаний на то, как произошло ежегодно празднуемое чудо. Так что народная память удержала наиболее яркие эпизоды, связанные по времени с годом основания обители: 23 сентября 1635 г. некий зверолов во время охоты нашел полуразрушенную церковь, в которой все истлело от времени, кроме иконы Божьей Матери. «Зверолов понял, что икона эта охраняется невидимою благодатною силою и благоговейно преклонил пред нею свои колена, вознося молитву Богоматери»²⁰.

Автор Сказания не чужд церковной книжности, о чем говорят используемые им стилистические обороты, употребляемые в духовной книжности XVII в., но совершенно не используемые в речи разговорной. Это – дательный самостоятельный (dativus absolutus) для передачи последовательности событий («Пришедши же отцу его духовному священнику Евдокimu, той преждедерченный муж Тит начат поведати») и неопределенной формы глагола с дательным падежом (dativus cum infinitivo) для передачи восприятия слов одного лица другим («Отец его духовный священник Евдоким... верова глаголевым от него неложным быти словесем»). Как очень редкий случай употребления дательного самостоятельного в значении дательного беспредлож-

ного можно рассматривать фразу «и узриши церковь стоящу шатровую, развалившуюся верху ея». Примеры подобных оборотов можно найти в Священном Писании, но для их сознательного употребления необходима высокая филологическая культура. Сложность оборотов создает в Сказании особый настрой значимости происходящих событий.

Его автор, воспитанный в традициях ученой книжности, стремится избегать и обыденных выражений, обедняющих стиль произведения. Так, в устах Богоматери была бы просто немыслима просторечная фраза «сквозь крышу той церкви проросла береза», и под пером книжника она приобрела черты высоко-парного, ученого стиля, осложненного не совсем уместным синтаксическим оборотом дательного самостоятельного: «токмо сквозе той церкви возрастшу древу, нарицаемей березе». Автор и далее, как того требует жанр, использует этот оборот – «древо, нарицаемое береза». «Древо, нарицаемое...» – типичный для сказаний XVIII в. об обретении чудотворных икон оборот, придающий повествованию необходимую торжественность. Так, в созданном, очевидно, во второй половине XVIII в. Сказании о явлении образа св. Николая Чудотворца на Угреше говорится: «и явися... образ Николая Чудотворца ... стоящь о себе на воздухе над древом, зовомою сосновою»²¹. В публикуемом же здесь Сказании распространенное по всей Руси дерево превращается в символ, незримыми нитями связанный с горним, невещественным миром. «Древо, нарицаемое береза» – необходимая вертикаль Сказания, соединяющая земное и небесное – Богоматерь, храм, явленную икону и реального человека, Тита Гаврилова, отправившегося на поиски святыни.

А.С. Елеонская отмечает редкость обращения древнерусских книжников к образу березы, приводя в качестве примера «Сказание о Мамаевом побоище», где изображение израненного князя на фоне искалеченной березы вызывает у читателя жалость и сочувствие. «Упоминание о березе... – добавляет исследовательница, – играет и колористическую роль, придающую выразительность всей картине: это единственное светлое пятно среди мрака и крови»²². Такую же цветовую роль играет береза и в нашем Сказании: ее белый ствол противостоит мраку и запустению заброшенного храма. Более того, есть основания по-

лагать, что в данном случае береза в местном, галичском, понимании выступает как символ Животворящего Креста. Ведь здесь еще в советское время в среду, в середине Великого Поста пеклись кресты, которые затем выпрашивались детьми по дворам с песней:

Кресты-бересты, Великий пост,
Половина Говина переломится,
Хрен да редька переводится,
Сыр да масло заводится,
Вы стряпухоньки, поварухоньки,
Загибайте хвости, подавайте кресты.
Всем по кресту по Великому посту²³.

В этой песне обращает на себя внимание связь креста с берестой – частью березового ствола. Возникновением, очевидно, эта ассоциация обязана белизне коры дерева. Белый цвет всегда ассоциировался с чистотой, а, следовательно, и со святостью. Этот символ на Русском Севере оказывается более конкретным и живым, нежели экзотический кипарис: в духовных песнях, записанных в иных уездах, последний обычно выступает символом Животворящего Креста. Береза же, напротив, ассоциируется с храмозданием, будучи семантически связанной не только со священным деревом – кипарисом, – но и с красной рябиной – символом Богородицы²⁴.

Можно отметить и другие примеры высокого стиля. Так, автор не может сказать, что человек, встретившийся Титу Гаврилову и о. Евдокиму, был охотником, но дает ему прямо-таки характеристику библейского Нимрома: «бяше бо муж той ловец зверей и птиц». Любопытно, что в созданной в 1639 г. первой редакции Жития преп. Варнавы Ветлужского охотники названы просто и буднично – «зверо уходчики», которые «хождаху по прежним своим звериным ловлям и угодии»²⁵.

Но автор Сказания описывает не собственные переживания, говорит не о своих впечатлениях, а лишь констатирует сам факт чуда. Именно поэтому повествование лишено эмоций и только следит за разворачивающимися событиями, давая их бесстрастное описание. Причем – что характерно – слог Сказания оказывается гораздо ближе к летописным памятникам более ранних эпох, нежели к историческим повествованиям XVI-

XVII вв. Его автор не пользуется в рассказе грамматическим настоящим временем – явление образа совершилось в прошлом, описываемые события не одновременны эпохе автора, и он – не их современник. Прошлое в Сказании дистанцировано от настоящего, хотя его воздействие – реальность явленной иконы и чудес, от нее истекающих, – ощущается (уже вне рамок Сказания) не только в действительности, но и заходит в неопределенное будущее. И данный прием – замкнутость времени и единство действия – вполне правомерен, ибо само произведение, как и любой памятник древнерусской книжности, обладает вневременным бытием, рассчитанным на многократную повторяемость во время богослужений, либо при келейном или домашнем чтении.

Для автора Сказания все остается в недавнем прошлом. Известны и факт чуда, и его результат. Остается лишь облечь прошедшее в литературные формы. Сюжетные узлы, используемые автором, каноничны – неизлечимая болезнь героя и его внезапное, чудесное исцеление, приказание Божьей Матери найти Ее икону и долгие поиски, долгожданное обретение образа и строительство на месте находки обители. Мастерство автора Сказания проявляется в том, с каким изяществом он соединяет эти узлы в цельное повествование. При этом, подобно автору Повести о Савве Грудыне, он сплавляет и законы чуда и сказочные сюжеты. Так, рассказ Тита Гаврилова и его исцеление по слову Богородицы – завязка сюжета – соответствуют законам чуда. А вот трехдневные поиски чудотворного образа – разворачиваются по законам сказки. И это – черта мировоззрения человека Средневековья, для которого сама жизнь, как метко заметил Й. Хейзинга, «все еще сохраняла колорит сказки»²⁶. И этот неповторимый колорит были-небыли ощущается в каждой строке Сказания. Но сказкою от этого оно не становится: с находкой образа сюжет вновь разворачивается по законам чуда; автор же сохраняет верность книжному стилю при любом повороте сюжета.

Героями Сказания являются реальные люди. Священник Евдоким служил при церкви апостола Иоанна Богослова с. Богословского в 7136/1628 г.²⁷ Спустя три года на приходе его сменил священник Авдим, а в 1648 г. в этой церкви уже служил

сын Евдокима – Агапит²⁸. Реален и герой Сказания – Тит Гаврилов, уроженец деревни Шерстнева (в 1638 г. в ней еще проживали его сыновья Алексей и Матвей Титовы)²⁹. Вполне возможно, что потомки героев этого произведения – и сын о. Евдокима Агапит, и сыновья Тита Гаврилова (последние, судя по Сказанию, даже были свидетелями чудесного исцеления отца) – могли быть информаторами автора, рассказ которых и стал основой литературного произведения.

Столь же реальны и населенные пункты, названные в Сказании. Его действие начинается в дер. Шерстнево Доровской и Шарицкой волости Галичского уезда³⁰, а завершается в дер. Доронино Костромского уезда³¹. Упоминается в Сказании и Кусская весь – ныне не существующее небольшое село в Кадыйской волости. Если следовать направлению поисков главных героев этого произведения, оно располагалось у слияния двух рек – Словинки и Якушки и ко времени действия Сказания давно уже было заброшено: церковь, стоявшая в этом селе, «запустела лет 60, или больши». На месте этого храма впоследствии был выстроен монастырь, что способствовало и возрождению села, правда, под новым именем – Подмонастырской слободы (по близости к обители) или по реке – Словинки³².

Роль священника в Сказании очень велика. Он – не только сопричастник чуда, но и – вместе с героем – неутомимый искатель явленного образа. А благословение о. Евдокимом Тита на пострижение в монастырь как бы ставит логическую точку в повествовании.

Чудо происходит в тот самый момент, когда жена Тита занимается приготовлением вечерней трапезы, дети заняты помощью по дому, а сам тяжелобольной Тит погрузился в смутный мир сонных видений. Явление Богоматери даже не вызывает необычайной вспышки света – оно лишь яркое пятно на сумрачном фоне крестьянской избы. Вслед за явлением следует обвал эмоций, талантливо переданный автором в совершенно бесстрастном (!) тоне. Суровая будничность нарушена, и лишь речь героев выражает переполняющие их чувства. Данный заряд эмоций ощущается во всем дальнейшем повествовании. Правда, «говорящим» остается один лишь Тит, остальные – включая и священника Евдокима, второго по значимости героя Сказания,

внимают ему с верой и надеждой. Все это – приобретения XVII в. – нарочито будничный стиль повествования, живописательство повседневного быта, герой – обычный крестьянин, обессилевший от тяжкой болезни, индивидуум, ценный сам по себе, главным недугом которого является вовсе не телесная немощь, а духовный сон, наконец, использование прямой речи для характеристики душевного состояния персонажей³³. Не случайно в обход существующего этикета автор Сказания именует главного героя – крестьянина – не Титкой, как было принято, но полным именем и отчеством – Титом сыном Гавриловым, – так, как именовались служилые люди – дворяне. Может быть, и здесь скрыт сакральный символ: выполняя волю Богородицы, крестьянин как бы становится Ее служилым человеком.

Важнее другое. Это – пограничность происшедшего чуда. Первый его акт – явление Богоматери и исцеление героя – совершается в Галичском уезде, второй же – обретение чудотворного образа – в Костромском. И, как трудноразличимы природные границы этих уездов, так и автор Сказания не видит их административных границ. Его герои как бы несут лучи Благодатной из одного уезда в другой. Но их подвиг не направлен в неопределенную-туманную даль – место и время действия в Сказании сохраняют единство. В этом – ключ к пониманию специфики местного самосознания, которое уже не мыслит себя в географически и административно ограниченных рамках одного уезда, но поднимается на уровень целого региона. Причем – опять-таки – связь между уездами осуществляется на высшем, невещественном уровне: они оказываются связанными в равной степени Богопосещенностью. Чудо, имевшее начало в Галичском уезде, завершается в Костромском. Природа лишь подчеркивает их неразделенность и в материальном и в духовном планах.

Список сокращений

- НБ МГУ – Научная библиотека Московского Гос. Университета им. М.В. Ломоносова
ОРПК – Отдел рукописей и редких книг
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси
РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Примечания

- ¹ Дмитриева Р.А. Введение // Книжные центры Древней Руси. XVII в: разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 10.
- ² Перетц В.М. Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы древнерусской литературы // *Slavia. Roc. 8. Ses. 3. Praha*, 1924. S. 503–525.
- ³ Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 29–30; Солодкин Я.Г. Григорий (в миру Юрий Отрепьев) // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1993. С. 354.
- ⁴ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 602–607.
- ⁵ Каган М.Д. Житие Адриана и Ферапонта Монзенских // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 326–330.
- ⁶ Первая редакция, датируемая 1639 г., выявлена мною в составе сборника начала XVIII в.: НБ МГУ. ОРиРК. № 293. Л. 448–460. Вторая редакция, создававшаяся в Москве едва ли не в конце XVII в., известна в единственном списке 1771 г.: РГАДА. Ф. 188 (Рукописное собр. ЦГАДА). Д. 1222. О ней см.: Херсонский И. Рукописное Житие преподобного Варнавы Ветлужского // Костромская старина. Вып. 5. Кострома, 1890. С. 1–38 (отд. паг.); Зонтиков Н.А. Преподобный Варнава Ветлужский. К 555-летию со дня преставления. Кострома, 2000. С. 17–18.
- ⁷ Орлов В. Галичский Староторжский Николаевский монастырь. Историческое описание, составленное по документам архива. М., 1913. С. 8.
- ⁸ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 205–213.
- ⁹ Тарасенко Л. «Повесть об иконе Пресвятая Богородица во обители преподобного Макария Унженского Чудотворца» – неизвестное сочинение начала XVIII в. // Русская культура второй половины XVII – начала XVIII вв. Филевские чтения. Тезисы докладов конференции. Ч. 4. М., 1993. С. 8–16; Тарасенко Л. История древней Макарьевской иконы // Губернский дом. № 4 (35). 1999. С. 34–37.
- ¹⁰ Летопись периодических изданий СССР 1961–1965 гг. Ч. II. М., 1967. С. 129. № 960.
- ¹¹ Там же. С. 131. № 980.
- ¹² Летопись периодических изданий СССР 1955–1960 гг. Ч. II. М., 1962. С. 141. № 1035.
- ¹³ Упраздненные монастыри Костромской губернии. СПб., 1909. С. 10. № 10.
- ¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 10 // Соч. в 18-ти кн. Кн. V. М., 1990. С. 623; Зaborовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время Польского потопа (1655–1656 гг.). Документы, исследования. М., 1994. С. 115. Прим. 48.
- ¹⁵ Об истории ее почитания см.: Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 63 сл.

- ¹⁶ По сведениям, сообщенным Е. Поселяниным (Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон. Под ред. Е. Поселянина. М., 1909) и протоиереем И. Бухаревым (Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. История их и изображения. М., 1994). Учитывались только явления Смоленской иконы, имеющие точную дату.
- ¹⁷ Повесть о Савве Грудыне // ПЛДР. XVII в. Кн. 1. М., 1988. С. 53.
- ¹⁸ Языкова И.К. Богословие иконы. М., 1995. С. 101. Прим. 10.
- ¹⁹ Трубецкой Е.Н. Два мира в древнерусской иконописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология. М., 1993. С. 231.
- ²⁰ Богоматерь... С. 602.
- ²¹ РГАДА. Ф. 1205 (Николо-Угрешский монастырь). Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.
- ²² Елеонская А.С. «Древесные образы» в древнерусской литературе // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 13–14.
- ²³ Плюханова М.Б. Сюжеты... С. 116–117.
- ²⁴ Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М., 1991. С. 178, 184.
- ²⁵ НБ МГУ. ОРиРК. № 293. Л. 448 об.
- ²⁶ Хейзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 14.
- ²⁷ Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Материалы для истории Костромской епархии. Отд. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Парфеньевым и Чухлою жилья данных церквей. 1628–1710 и 1722–1746 гг. Кострома, 1895. С. 210–211.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7221. Л. 1185.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7221. Л. 693.
- ³⁰ Ныне – в составе Антроповского р-на Костромской обл.
- ³¹ Ныне – в составе Кадыйского р-на Костромской обл.
- ³² В XIX в. оно числилось по Макарьевскому уезду Костромской губернии, ныне – находится в Антроповском р-не Костромской обл.
- ³³ См.: Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Избр. работы. В 3 тт. Т. 3. Л., 1987. С. 140–151.

(Л. 19) СКАЗАНИЕ О ЯВЛЕНИИ ЧУДОТВОРНОГО ОБРАЗА ПРЕСВЯТАЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ, ЧЕСТНАГО И СЛАВНАГО ЕЯ ОДИГИТРИЯ, НАРИЦАЕМЫЯ СМОЛЕНСКИЯ

Бысть убо сие преславное чудо в лето от сотворения мира 7136¹, от воплощения же Бога Слова 1628², месяца мая въ 15 день при державе благочестивейшаго³ и христолюбиваго Государя Царя и Великаго князя Михаила Феодоровича и всея Великаго и Малаго России Самодержца в шестое надесять лето благочестивия державы Его и по плотскому рождению при Отце его

и богоомольце при великом Господине Патриархе Филарете Никитиче Московскомъ в десятое лето Епископства⁴ Его.

⁵Бысть явление чудотворного образа Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честнаго и славнаго Ея Одигитрия, нарицаемыя Смоленския⁶, в Костромскомъ (л. 19 об.) уезде в пригородке Кадые в Кусской веси. А¹ явися чудотворный образъ Галичскаго уезда Доровской и Шаритской волости в приходе церкви Святаго Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова некоему человеку именем Титу сыну Гаврилову, деревни Шерстнева.

²Тойже преждереченный³ муж Тит одержим бысть немощию: разслабиша вся уды его, яко ни рукама что возможе взяти, ни ногама где поступити. От⁴ той же великия и презелныя⁶ разслабленныя⁷ болезни отятся⁸ свет от очиу его, и бысть⁹ в разслаблении два лета и шесть месяц. И по прошествии тех двух лет и шести¹⁰ месяц в дому, ¹¹жене его и¹² чадом¹³ строящым¹⁴ потребная на пищу себе¹⁵, внезапу преждереченный¹⁶ муж той Тит начат молитися, велегласно глаголя: «О Пресвятая Госпоже Дево, помози мне, рабу Твоему». Жене¹⁷ же и чадом¹⁸ уди(л. 20)вившимся¹, зане он тако велегласно возопи², глаголя: «Пресвятая Госпоже Дево, помози мне», и³ оставиша⁴ дело свое, притехоша ко одру его, на немже раслабленный⁵ лежаше, и наща его вопроши, зане тако никогда он неглаголал. Он же в той час узре очима своими жену свою и чад своих⁶, пред одром своим⁷ стоящих, и воста со⁸ одра своего весь здрав и повеле жне своей и чадом призвати отца своего духовнаго, церкви святаго⁹ Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова священника именем Евдокима Григорьева.

Пришедшу же отцу его духовному священнику Евдокиму, ¹⁰той же преждереченный¹¹ муж Тит начат поведати отцу своему духовному: «Лежашу мне, отче, на одре моем, и от великия той скорби на сон обратившуся, и¹² видех в дом мой пришедшу жену святолепну¹³ во одеянии червлене, (л. 20 об.) имеющу на руку своею младенца. И рече мне: «Тите, востани со¹ одра твоего, иди и призови отца своего духовнаго и пойди с ним в Костромский² уезд в Кусскую волость и допрошай пути, что ездят от Москвы ко граду Унже. И шед тем путем, найдеш³ речку Якушку. И оставя ту дорогу, пойди⁴ тою речкою вниз, и найдеш⁵ другу. И оставя ту дорогу, пойди⁴ тою речкою вниз, и найдеш⁵ другу.

гую речку Словинку, и сошлися те речки Якушка и Словинка в одно место. И от стрелы тех речек поиди⁶ на западную страну между речками на гору, и узриши церковь стоящу шатровую, развалившуюся верху ея, токмо сквозе тоя церкви возрастшу древу, нарицаемей березе. И вниди в церковь и обрящеши под тем древом березою⁷ стоящъ за престолом образ Мой Одигитрии Пресвятыя Богородицы.

Отец его духовный священник Евдоким слышав⁸ (л. 21) от него таковая сказания, от радости начат слезы от очиу испущати и верова глаголевым от него неложным быти словесем, зане и здрав бысть вскоре от той скорби.

Управяся, поидоста¹ оба путем тем радующеся, чающе обрести некрадомое то сокровище, драгоценный бисер, всесветлое солнце, пречестную ону икону Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честнаго и славнаго Ея Одигитрия². И идоша на Унженскую дорогу, и мало шедше обретоша преждереченную речку Якушку. И ходивше по ней первый день, ничтоже успевше и не получивше сокровище оное обрести.

Ноши же приспевши, тойже священник Евдоким и преждереченный муж Тит сотворше обычную молитву, возлегоста опочити. Спящу же мужу оному, паки явися ему Пресвятая Богородица темже образом, якоже³ и (л. 21 об.) прежде. Тожде рече ему, указующи перстом место оно и церковь.

На оутрий же день муж той воспрянув от сна и нача поведати все отцу своему духовному священнику Евдокиму, како явися ему Пресвятая Богородица, указующи перстом место оно и церковь. Тойже священник Евдоким, слыша от сына своего духовнаго, наипаче¹ распался духом, горя по Бозе. И сотворше на том месте молитву и поидоста путем и ходивше и² второй⁴ день, ничтоже получивше, нашедше паки³ преждереченную⁴ Унженскую дорогу, и⁵ поидоста⁶ ю в волость печально⁷, яко необретоша пречестнаго оного образа Богоматере.

И придоша в деревню, нарицаемую Доронино и испросившеся обнощевать у некоего богоязнника⁸, мужа именем Иакинфом, поведаша⁹ ему вся подробну, како явил(л. 22)ся ему Пресвятая Богородица и како исцели его от раслабления¹ болезни и свет ему дарова, и како они два дни ходивше, не обретоша никакоже. Тойже муж Иакинф слыша от них глаголемая и рече им:

«Аз знаю место оно и церковь» – бяше бо муж той ловец зверей и птиц.

На утрье же воставше и поидоста², дабы им желание свое получить. Преждереченный же муж Иакинф шед указа им место и церковь.³ Они же, видевше место оно и церковь⁴ стоящу⁵, возрадовашся⁶ радостию великою и нейзглаголанною, и от радости начаша слезы испущати. Поклонщеся, внидоша в церковь и видеша пречестный образ стоящь за престолом и пред ним свещу горящу и канон лежащ написан, Одигитрию⁷ Пресвятая Богородица. Церковь же от⁸ образа яко от солнца светяся, яко бо городицы. Церковь же от⁸ образа яко от солнца светяся, яко бо вчера написан⁹ бысть, от давных¹⁰ бо лет церковь она запустела¹¹, лет 60 или болши¹². Тогда священник Евдоким¹³ нача пети молебен. И по отпетии молебна¹⁴ благослови сына своего духовнаго. Он¹⁵ же¹⁶ (л. 22 об.) оттоле неиде¹ в дом свой, но нача здати часовню². И егда соверши часовню⁴, от того времени пройде слава по всюду. И начаша мнози приходити от многих градов и весей и приимаху исцеление,⁵ кто киим⁶ недугом одержим быша⁷. Тойже преждереченный муж⁹ Тит¹⁰ пострижеся в монашеский чин. И мнози духовнии мужи начаша приходити и постригатися.

И оттоле возвещено¹¹ бысть Великому Государю Царю и Великому¹² князю Михаилу Феодоровичу, всея России Самодержцу, и Отцу его святейшему Патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея России. Они¹³ же слышав о явлении и чудесех, повелеша свидетельствовати¹⁴ и по свидетельству¹⁵ даша довольно¹⁶ книг и риз на устроение Святых Божиих церквей.

Слышано же бысть сие¹⁷ явление чудотворного образа и различныя чудеса во многих градех и весех, и стекахуся вси, кто недугом одержим быше, и молитвами Пресвятая Богородициим¹⁸ недугом одержим быше, и молитвами Пресвятая Богородици, честнаго¹⁹ и славнаго Ея Одигитрии²⁰ здравие²¹ даровашеся, слепым прозрение, хромым хождение, разслабленным исправление, и оттоле начаша праздновати праздник радостотворно, славяще Отца и Сына и Святаго Духа и Заступницу нашу Богородицу и присно Деву Марию, о бывшем Ея чудодеянии. Тоя молитвами, Христе Боже, помилуй и спаси нас, ныне и присно и во веки веков. Аминь²².

Примечания

В основу положен список А. Разночтения даны по списку Б (80-е гг. XIX в.). Произведена разбивка текста на абзацы. Буквы, вышедшие из употребления (с, ф, й, Ѳ, Ѩ, в, ѿ), заменены на буквы современного алфавита (соответственно з, ф, и, кс, пс, е, в, о, от) и в разночтениях не отмечены. Буквенная цифирь заменена арабскими цифрами. Буква ъ на конце слов не ставится. Раскрытие титла не оговариваются и в разночтениях не отмечаются.

Л. 19:

¹Б над строкой др. почерком арабскими цифрами 7136. ²Б над строкой др. почерком арабскими цифрами 1628. ³А благочестиваго. ⁴Б епископства. ⁵⁻⁶А зачеркнуто.

Л. 19 об.:

¹А нет. ²⁻³А зачеркнуто и др. почерком над строкой доб. сей. ⁴⁻⁵А еяже. ⁶Б прозелья. ⁷А разславленныя.

⁸А испр. на отяся. ⁹А былъ. ¹⁰А 6. ¹¹⁻¹²Б его и жене. ¹¹А др. почерком испр. на жены. ¹³А др. почерком испр. на чад. ¹⁴А др. почерком испр. на строящих; Б строящих. ¹⁵А далее зачеркнуто и. ¹⁶Б зачеркнуто. ¹⁷А др. почерком испр. на жена. ¹⁸А др. почерком испр. на чада.

Л. 20:

¹А др. почерком испр. на удивившия. ²Б воззопи. ³А зачеркнуто. ⁴Б карандашом испр. на оставше. ⁵Б разслабленный. ⁶Б нет. ⁷Б нет. ⁸Б с. ⁹А св. ¹⁰⁻¹¹Б зачеркнуто. ¹²Б нет. ¹³Б светолепну.

Л. 20 об.:

¹Б с. ²А Костромской. ³Б карандашом испр. на найдеши. ⁴Б пойди. ⁵Б карандашом испр. на найдеши. ⁶Б пойди. ⁷А верезою. ⁸А писано дважды, в конце л. 20 об. и начале л. 21.

Л. 21:

¹Б пойдоста. ²Б Одигитрия. ³Б яко же.

Л. 21 об.:

¹Б найпаче. ²Б нет. ³Б нет. ⁴А преждереченнную, первое и приписано др. почерком. ⁵Б нет. ⁶Б пойдоста. ⁷Б печально. ⁸Б богообязливаго. ⁹Б писано дважды, второе слово зачеркнуто.

Л. 22:

¹Б разслабления. ²Б пойдоста. ³Б нет. ⁴⁻⁵А нет. ⁶Б возрадовашася. ⁷Б Одигитрии. ⁸А заклеено. ⁹А заклеены 1-я и 2-я буквы. ¹⁰Б давних. ¹¹А заклеена первая буква. ¹²Б более. ¹³А заклеена 1-я буква. ¹⁴А заклеены 1-я, 2-я и 3-я буквы. ¹⁵А утр. из-за обрыва угла листа; Б вписано. ¹⁶А утр. из-за обрыва угла листа.

Л. 22 об.:

¹Б неиде. ²А заклеены 3-я и 4-я буквы. ³⁻⁴А нет. ⁵⁻⁶Б ким кто. ⁷А заклеено. ⁸⁻⁹Б зачеркнуто. ⁸Б тойже. ¹⁰Б др. почерком карандашом над строкой доб. же. ¹¹А заклеена 2-я буква. ¹²А заклеена посл. буква. ¹³А заклеена посл. буква. ¹⁴А свидетельствовать. ¹⁵Б свидетельствовати. ¹⁶Б довольно. ¹⁷Б сия. ¹⁸Б ким. ¹⁹А утр. из-за обрыва угла листа. ²⁰Б Одигитрия. ²¹⁻²²А утр.

* * *